

Адин Штейнзальц отвечает на вопросы Михаила Горелика

- В прошлый раз, когда мы с вами беседовали о смерти, вы сказали, что не следует ее бояться - бояться надо неправильно прожить жизнь. Может быть, бояться смерти и не стоит, однако люди, несмотря ни на какие аргументы, ее все-таки боятся и переживают как трагедию.

- Со смертью связано два ужасающих человека обстоятельства. Во-первых, это необратимый процесс: возврат невозможен. Во-вторых, смерть покрыта черной завесой тайны. Человек знает, как приближается старость, как она выглядит, но что происходит в момент смерти и после нее - неизвестно, и это пугает.

- Тем не менее существует масса рассказов мистиков различных конфессий, которые утверждали, что у них был контакт с тем миром и они сообщали нам о своем опыте. Иные достаточно скромно, а иные так даже очень живо и красочно. А есть еще и спириты. А доктор Моуди с его знаменитой книгой "Жизнь после жизни"!

- Действительно, существует масса такого рода рассказов, причем у всех рассказчиков возникает одна и та же проблема: то, о чем они хотят нам сообщить, принципиально невыразимо в терминах нашего опыта, у нас просто нет соответствующих слов. Поэтому порой нелегко понять, что, собственно, имели

ВСАДНИК И КОНЬ

С чем можно сравнить любовь?

С горой? Со слоном? С миллионом долларов?

Переживание любви дается непосредственно, но как ее описать?

В виду эти рассказчики, что стоит за их образами: ведь описывая иную реальность, они по необходимости пользуются словами, которые берутся из нашего вещественного мира. Например, описание рая с крыльями, лютнями и кущами или ад с рогами, вилами и котлами. Не надо быть чересчур большим рационалистом, чтобы понять всю условность этих картин. Зато они волнуют воображение, чего напрочь лишены философские абстракции.

Как объяснить слепому, что такое свет? Этот вопрос поставил в XII веке Рамбам*. Я знаю, читал ли Эйнштейн Рамбама, но он развивает ту же тему, приводя забавный разговор со слепым, который пытается выяснить, что такое белизна.

Эйнштейн: Вот, например, лебедь белый.

Слепой: Лебедь? Что это?

Эйнштейн: Это такая птица с длинной выгнутой шеей.

Слепой: Выгнутой? Что значит выгнутой?

Эйнштейн (сгибает руку слепого): Вот что это значит.

Слепой: Понятно! Теперь я знаю, что такое белизна!

Слова оказываются бессильными передать опыт, который не воспринимается отсутствующим органом чувств. С философской точки зрения, мир физический и мир духовный взаимно слепы. Мы, люди, - амфибии: мы живем сразу в двух мирах, мы осуществляем интерфейс между ними. Те, кто живет только в одном из миров, не в состоянии понять другой. Рыбе невозможно объяснить, как скачут по траве зайцы, но и зайцу невозможно объяснить, как можно жить в воде. Стол определенно не поймет, что такое любовь, но ведь и ангелу, быть может, затруднительно объяснить, что такое стол. В одном анекдоте черт предложил англичанину, французу и ирландцу выполнить любое желание. Если желание выполнено, клиент отправляется в ад. Англичанин и француз пожелали очень многоного, даже невозможного - черт легко и быстро справился - со всеми вытекающими последствиями. Ирландец свистнул и сказал: "Пришел этот свист к моей брючной пуговице!"

- И что же черт?

- Черт был посыпан.

- Похоже, этот анекдот ирландский.

- Надо думать. Так вот, мораль этой истории в том, что две вещи реально существуют, но они несоединимы. Даже черт не может соединить их. Наша жизнь полна духовными явлениями. Причем я говорю даже не о религиозных феноменах. Любовь, ненависть, зависть, сны, мечты - все это нематериально. Люди убивают друг друга не только в борьбе за существование, но и ради славы. Что же касается самоубийств, то статистика свидетельствует, что их причины, как правило, духовного порядка: несчастная любовь, одиночество, разочарование в жизни, страх позора... С чем человек может сравнить свою любовь? С горой? Со слоном? С миллионом долларов? Пережить любовь можно, но как ее описать? Слова неадекватны.

- Мне бы хотелось вернуться к теме, с которой мы начали разговор. Речь шла о смерти. Хорошо, слова неадекватны. Но, может быть, все-таки можно хотя бы косвенно, посредством аналогий, сказать что-то кроме того, что мы видим бездыханное и недвижимое тело, которое обречено на разложение.

- Анри Бергсон, который, кстати сказать, происходил из семьи польских хасидов, уподобляет связь между душой и мозгом одежде, висящей на крючке. Если сломать крючок, одежда упадет, однако это не значит, что крючок важней одежды или что крючок - это и есть одежда. Вы, наверно, помните, как испанцам удалось завоевать Америку, хотя их число было ничтожно. Называют много причин, но среди них и такая: всадник на коне представлялся индейцам единственным фантастическим и устрашающим существом, с которым невозможно бороться. Душа и тело - это как всадник и конь. Конь погибает, и теперь этот бедняга всадник должен научиться передвигаться самостоятельно. Разумеется, конь может быть уверен, что его единство с всадником простирается столь далеко, что всадник вообще не в состоянии существовать самостоятельно, и погибает вместе с ним. Но у всадника все-таки есть возможность убедиться, что это не так.

- Некоторые полагают, что смерть - это болезнь, и против нее можно найти лекарство.

- Вопрос в том, кого лечить: коня или всадника. Во всяком случае, ветеринаров сегодня куда больше, чем врачей.

* Рамбам (Маймонид) - выдающийся еврейский средневековый мыслитель (1135-1204).

Свобода выбора и свобода от обстоятельств

Ури Гершович

Переводя лекцию рава Штейнзальца о свободе выбора, я все время невольно отвлекался, раздумывая о свободе выбора переводчика. В самом деле, есть ли у переводчика свобода выбора?

Итальянцы говорят: "traduttore - traditore" ("переводчик - предатель"). Что подразумевает эта поговорка? То, что переводчик, сколько бы ни старался, не передаст подлинный смысл? И, стало быть, он фактически лишен свободы выбора в этом плане. Или имеется в виду, что переводчик склонен к искажению смысла, то есть, располагая свободой выбора, пользуется ею во вред переводимому Слову?

Мудрецы Талмуда говорили иначе: "Тот, кто переводит стих Писания как он есть, - выдумщик, а тот, кто что-то добавляет, - совершают нарушение и осквернение" (Госефта, Мегила, 3:21). Значит, как ни крути, ты либо лжец, либо богохульник. Выбирать приходится из двух зол. Либо - не переводить...

Задумываемся над различием двух ситуаций: 1) выбор: "переводить - не переводить"; 2) выбор подходящих слов переводчиком. Первая ситуация, казалось бы, лучше иллюстрирует проблематику, обычно называемую "свободой выбора". Но, думается, в сущности, вторая ближе к реальному положению дел, точнее отражает эзистенциальную дилемму, перед которой стоит человек, размышляющий о соотношении собственной свободы и Б-жественного предопределения: многое предопределено, но есть какой-то элемент свободы...

Скорее всего, размышляя об этом во время лекции, я совершил тем самым определенный выбор, подтверждающий итальянскую игру слов.

Итак, предлагаю заметки о свободе выбора...

Однажды, перечитывая трактат "Йома", я остановился на следующем фрагменте:

Придут на Б-жий суд бедняк, богач и развратник. У бедняка спросят: "Почему не занимается Торой?" Если скажет: "Беден я был, и забота о хлебе изнурила меня", - ответят ему: "Не беднее Гилея!"

У богача спросят: "Почему не занимается Торой?"

Если скажет: "Богат я был, и забота об имуществе изнурила меня", - ответят ему: "Не богаче рабби Эльзара!"

У разврата спросят: "Почему не занимается Торой?"

Если скажет: "Прекрасен я был и изурен страстью", - ответят ему: "Не прекраснее Йосефа!"

Так окажется Гильель обвинителем бедняков, рав Эльзаром - богачей. Иосеф - разврата.

Что говорит по этому поводу рав Штейнзальц? Включив магнитофонную запись и тщко потрудившись над переводом на русский язык, я получил следующее:

...Исполнение заповеди изучения Торы по минимуму не является тяжелой и трудновыполнимой задачей. На самом деле, достаточно прочитать утром или вечером небольшой фрагмент Торы, как, например, Шма. Вместе с тем изучение Торы в более широком объеме является сущностным приобщением к иудаизму. Ибо даже если человек в той или иной степени соблюдает заповеди, избегая совершение запрещенных действий и выполняя предписанные, - что было бы вполне достаточно для большинства религий, - он не считается исполнившим свой долг, с точки зрения иудаизма. Иудаизм требует от человека возвеченности не только практической и духовной, но и интеллектуальной, а именно познания сущности иудаизма, определяемой наиболее общим образом как Тора. Это познание есть часть универсального требования иудаизма, которое не является эксклюзивным для отдельных индивидуумов или для определенной выделенной группы (будь то мудрецы или люди, облеченные религиозным саном), - это общее требование, предъявляемое каждому еврею. Очевидно, что повсюду это знакомство с источниками не может удовлетворить этому требованию, здесь взыскивается знание и понимание. Для этого необходимо заниматься Торой.

Ну, хорошо... А же что стоит за требованием "интеллектуальной вовлеченности"? Почему иудаизм требует от человека познания своей сущности? И в чем, собственно, состоит эта сущность?

О свободе выбора

Вполне очевидно, что в подтексте нашего фрагмента лежит предположение о том, что человек обладает свободой выбора. Об этом свидетельствует само понятие Б-жьего суда. Действительно, не обладая свободой выбора, человек не несет ответственности за свои поступки, и судить его не за что. Несмотря на простоту приведенного рассуждения, вопрос о свободе выбора человека в связи с вопросом о Провидении представляет собой довольно серьезную проблему. Эта проблема была одной из центральных в средневековой философии. Вкратце проблема состоит в том, что, если человек свободен в

выборе поступка, то его поступок следует считать "возможным", поскольку он ничем не предопределен, не известен заранее, - в том числе и Творцу, и, значит, Он не все видит. С другой стороны, если все действия человека Ему заранее известны, предопределены причинно-следственными связями, ясно, в чем состоит свобода выбора человека. И мы уже заметили, что в таком случае непонятно, каким образом Творец может судить человека за его поступки.

Свидетельство обсуждений вопроса о свободе выбора человека (пусть не таких подобных и проработанных, как в Средние века) мы находим и в античной философии: эту проблему затрагивали и пифагорейцы, и стоики. Каково же отношение к этому вопросу мудрецов Талмуда?

Что говорит Иосиф Флавий о различных точках зрения на эту проблему в эпоху Второго Храма:

Фарисеи ставят все в зависимость от Вс-вышнего и судьбы, но учат, что человеку предоставлена свобода в выборе между праведными поступками (добром) и бесчестными (злом), хотя в этом участвует предопределение... Садукеи - вторая секта - совершенно отрывают судьбу и утверждают, что Вс-вышний не оказывает влияния на человеческие деяния, ни на злые, ни на добрые. Выбор между добром и злом предоставлен вполне свободной воле человека, и каждый по своему усмотрению занимает ту или другую сторону... Секта сассев учтет, что во всем проявляется сила предопределения, поэтому все, постигающее людей, не может случиться без этого предопределения и помимо него.

Не вызывает сомнений, что мудрецам Талмуда были одинаково чудны взгляды, приписываемые Флавием садукеям и ессеям. Более того, по-видимому, указанное Флавием о фарисеях довольно верно характеризует позицию таннаев и аморав. И хотя в талмудической литературе содержатся различные, часто противоречивые высказывания на эту тему, кажется, все они, за редкими исключениями, сводятся к тому, что человек свободен в своих поступках. Однако этот подход в какой-то мере допускает и предопределение, и Б-жественное вмешательство. Именно сложность и диалектическим напряжением такой позиции (в отличие от последовательных, однолинейных подходов садукеев и ессеев) предопределена многообразие оттенков в высказываниях мудрецов Талмуда по этому поводу, о существовании противоречивых высказываний часто связано с желанием их авторов подчеркнуть различные аспекты указанной позиции.

Классический пример подхода таннаев к вопросу о свободе выбора - это высказывание рава Акивы: "Все видно [Вс-вышнему], но свобода дана [человеку]" (Авот, 3:15). Здесь лаконично подмечено, как сочетается наблюдение Свыше со свободой выбора человека. Ответственность человека за свои поступки не исключает вмешательства Творца, чему посвящено и знакомое нам высказывание аморавы Равы: "Если видят человек, что страдания выпадают на его долю, пусть тщательно исследует свои поступки..." Исследовав поступки свои и не нашел греха - пусть свяжет страдания с пренебрежением к Учению... А если и этого не нашел в себе, значит, страдания вызваны любовью, ведь сказано: "Ибо кого любят Г-споды, того называют..." (Мишней, 3:12) (Вавилонский Талмуд, Брахот, 5а). С одной стороны, то, что случается с человеком, определяют его собственные поступки, с другой - не исключено, что происходящее - следствие Б-жественной воли. В связи с этим вспоминается и другое толкование рава Акивы: "Милостыня спасает от смерти..." (Мишней, 10:2), и не только от безвременной смерти, но и от смерти вообще" (Вавилонский Талмуд, Шабат, 156). Это толкование Талмуд приводит в контексте рассказов о предсказаниях судьбы, предназначенному человеку звездами, и ее преодолении ("Нет созвездия для Израиля"...). Подчеркнем, хотя человек своими добрыми делами может преодолеть судьбу, ее существование не отрицается, более того, отчасти предзначение исполняется (см. там же рассказ о раве Нахмане бен Ицхаке). Это еще один пример того, как совмещается предопределение со свободой выбора.

Ограничимся приведенными примерами (хотя их можно продолжить) и вернемся к фрагменту, который заставил нас пуститься в пространные рассуждения по этому поводу. Итак, сам рассказал о Небесном суде над теми, кто не изучал Тору, предполагает существование свободы выбора. Но проблема, затронутая в этом фрагменте, иная - это вопрос о мере зависимости человека от жизненных обстоятельств, о мере его свободы в решениях и поступках в конкретных ситуациях. Причем этот вопрос поднимается именно в плане изучения Торы. Вспомним, рав Штейнзальц настаивал на том, что требование изучать Тору, исключительное для иудаизма, есть требование интеллектуального достижения сути самой религии. И мы остановились перед вопросом: в чем же эта суть состоит?

О мере свободы в решениях и поступках

Во-первых, отметим различие между свободой выбора и свободой от обстоятельств. Свобода выбора - это принципиальная недетерминированность человеческого волеизъявления. А именно: Б-жественное управление миром таково, что выбор человека не предрешено заранее: человек волен выбирать между добром и злом, и этот выбор не продиктован ему ни законами природы, ни волей Творца: он осуществляется его сам. Однако эта свобода выбора не отменяет того факта, что человек, как любое земное существо, подчинен законам природы, а как существо социальное - общественно-историческим законам, то есть над многими обстоятельствами собственной жизни он не властен. Именно напряжение, существующее между духовной свободой

выбора и материальной, природно-социальной несвободой и делает выбор человека между добром и злом столь сложным, превращающим его в космическую драму. В этой драме человеку так трудно выражать свою роль, что Вс-вышний считал нужным прийти к нему на помощь и даровать Тору - систему заповедей, помогающую сформировать правильный выбор в тех или иных жизненных обстоятельствах. Итак, человек должен совершить свой свободный выбор, исходя из обстоятельств (сочетаясь с обстоятельствами), в которых он находится. Эти жизненные обстоятельства естественным образом ограничивают человека. Так вот, вопрос о том, насколько человек может быть независим от этих обстоятельств, насколько он может "не обращаться на них внимания", совершая свой свободный выбор между добром и злом, - этот вопрос (отличный от вопроса о свободе выбора) и есть главная тема нашего фрагмента. Еще раз заметим: не предположив, что у человека есть свобода выбора, этот вопрос невозможен поставить. В самом деле, если все действия человека предопределены, то не о чем говорить. Именно поэтому мы уделили столько внимания рассмотрению вопроса о свободе выбора прежде, чем перейти к вопросу о мере свободы от обстоятельств.

Есть ситуации, когда этот вопрос решается просто. Это безвыходные ситуации, когда от человека объективно ничего не зависит, когда обстоятельства объективно "выше нас". К примеру, если человек оказался на необитаемом острове, то ему трудно сделать добро ближнему, как бы он к этому ни стремился.

Есть более сложные случаи, когда человек должен тщательно проанализировать ситуацию, прежде чем решить, насколько поступок, который он собирается совершить из самых добрых побуждений, будет уместен, правлен, принесет благо или может повлечь за собой нежелательные последствия. Здесь Тора приходит на помощь человеку. Она, как правило, подсказывает верное решение. Хороший пример - отношение к вопросу о пожертвованиях. Казалось бы, пожертвования для бедных - исключительно благое дело, предписанное самой Торой, и, стало быть, чем больше человек жертвует в помощь неимущим, тем лучше. Однако еврейский закон накладывает определенные ограничения, ибо тот, кто тратит на пожертвования больше, чем позволяют его доходы, может довести до разорения семью, и сам станет обузой для общины (Мишне Тора, Законы матанот анимим, гл. 7-10; Законе деот, гл. 5).

Итак, помимо свободного выбора между добром и злом человек должен осуществлять выбор конкретных действий. Мало выбрать добро, необходим взвешенный подход к его реализации. Тора, как уже было сказано, помогает человеку выработать этот подход. В каком-то смысле можно сказать, что, исполняя предписания Торы, следя за Ахале, человек и обретает независимость от обстоятельств; в этом и состоит его свобода по отношению к конкретным жизненным ситуациям, ибо он подчиняется не их дiktату, а взвешенному решению Ахала. Однако в полной мере эта свобода осуществляется лишь в том случае, если человек не просто как работ следует законодательному установлению, а соознает правомерность этого решения, познает его продуманность, другими словами - изучает Тору. (Нельзя вспомнить здесь известный спор о том, что важнее: ученик - "тальмуд" или действие - "маас", который разрешается утверждением, что ученик важнее, ибо оно ведет к действию!)

Итак, если мы попробуем предельно просто определить иудаизм как систему, позволяющую человеку не только выбирать добро, но и реализовать его с учетом обстоятельств, станет ясно, что изучение Торы - это есть залог реализации назначения системы. Более того, если понять задачу, возложенную на человека Торой, как освобождение от детерминирующих условий земного мира (в котором зло конкурирует с добром), то изучение Торы будет осмыслено как своего рода залог максимальной свободы от обстоятельств. Ибо, следуя указаниям Торы, я выхожу из-под диктата обстоятельств и одновременно из-под диктата существующих во мне дурных устремлений.

Святой, благословен Он, сказал Израилю: "Сыны Мои, создал Я Злое побуждение и создал Я Тору - лекарство от него. И пока вы занимаетесь Торой, Злое побуждение не властью над вами... Если же вы не станете заниматься Торой, то отданы будете в руки Злого побуждения..." (Кидушин, 30а).

Однако, может ли человек посвятить все свое время изучению Торы? По-видимому, нет. И хотя сказано: "...и размышил о ней днем и ночью" (Нав, 1:8), - Ахала не устанавливает, сколько времени еврей должен посвящать изучению Торы. Каждому придется решать это самому, исходя из своих жизненных обстоятельств. Именно это решение есть своего рода квинтэссенция вопроса о мере свободы человека от обстоятельств. Принимая это решение, человек как бы определяет степень своей независимости от обстоятельств, этим решением он закладывает фундамент своего жизненного выбора в целом. Обстоятельства, мешающие изучению Торы, в каком-то смысле концентрируют в себе всю "сложность жизни". Находя возможность противостоять им и, несмотря на них, заниматься Торой, человек прокладывает себе путь к освобождению от гнета тягот дальнего мира. Возможно, в этом смысле знаменитого высказывания рава Нехуны бен А-Кана: "Тот, кто принимает на себя игу Торы, освобождается от иги власти и от иги земных дел, а тот, кто сбрасывает с себя игу Торы, поддается под игу власти и под игу земных дел" (Авот, 3:5).

1 июля 2009 года исполнилось 100 лет со дня рождения Антонины Николаевны Пирожковой и 13 июля (1 июля по старому стилю) 115 лет со дня рождения ее мужа, Исаака Эммануиловича Бабеля. Предлагаем Вашему вниманию отрывки из книги "Семь лет с Исааком Бабелем. Воспоминания жены" (Из-во "Slov-Word", New York).

Первые встречи

Я познакомилась с Бабелем летом 1932 года, спустя примерно год после того, как впервые прочла его рассказы. Это знакомство произошло в Москве у Ивана Павловича Иванченко - председателя Востокотали, большого поклонника Бабеля. И Бабель, и я были одновременно приглашены к Иванченко на обед... К обеду Бабель явился с некоторым опозданием и обяснил, что пришел прямо из Кремля, где получил разрешение на поездку к семье во Францию. За обедом Бабель рассказывал, каких трудов стоило ему добиться разрешения на выезд за границу, как долго тянулись хлопоты, а поехать было необходимо, так как его семья жила там почти без средств к существованию, из Москвы же очень трудно было ех помочь... Через несколько дней, когда Иван Павлович уехал в Магнитогорск, Бабель пригласил меня и сестру Иванченко, Анну Павловну, к нему обедать, пообещав нам, что будут вареники с вишнями... До отъезда Бабеля за границу я еще несколько раз бывала на Николо-Воробинском...<...>

Как-то раз Бабель попросил разрешения зайти ко мне домой. Я угостила его чаем, помню, не очень крепким (а он, как я потом узнала, любил крепкий), но Бабель выпил чай и промолчал. А потом вдруг говорит: "Можно мне посмотреть, что находится в вашей сумочке?" Я с крайним удивлением разрешила: "Благодарю вас, я знаете ли, страшно интересуюсь содержимым дамских сумочек". Он осторожно высунул на стол все, что было в сумке, рассмотрел и сложил обратно, а письмо, которое я как раз в тот день получила от одного моего сокурсника по институту, оставил. Посмотрел на меня серьезно и сказал: "А это письмо вы не разрешили мне прочесть, если, конечно, оно вам не дорого на какой-нибудь особой причине?" "Читайте", - сказала я. Он внимательно прочел и спросил: "Не могу ли я с вами уговориться?... Я буду платить вам по одному рублю за каждое письмо, если вы будете давать мне их прочитывать". И все это с совершенно серьезным видом. Тут уже я рассмеялась и сказала, что согласна, а Бабель вытащил рубль и положил на стол.

Незадолго до своего отъезда во Францию Бабель уговорил меня переехать во время его отсутствия на Николо-Воробинский. Он боялся, как бы в пустую квартиру кто-нибудь не вселился... Писал из Франции Бабель часто, почти ежедневно, так что за одиннадцать месяцев его отсутствия накопилось очень много писем. Все они были забраны в 1939 году при его аресте и мне не возвращены...<...>

Бабель возвратился из-за границы в сентябре 1933 года. Он приехал один, без семьи.

Минимальное количество слов

Рабочая комната Бабеля служила ему и спальней, она была утюговой, с большими окнами. Обстановка этой комнаты состояла из краотов, замененного всплеским тахты, платяного шкафа, рабочего стола, возле которого стоял диванчик с полужестким сиденьем, двух стульев, маленького столика с выдвижным ящиком и книжных полок. Полки были закрыты Бабелем высотой до подоконника и во всю длину стены, на них устанавливались нужные ему и любимые им книги, а наверху он обычно раскладывал бумажные листки с планами, рассказами, различными записями и набросками. Эти листки, продолговатые, шириной 10 и длиной 15-16 сантиметров, он нарезал сам и на них все записывал. Работали он или сидя на диване, часто подкладывая под себя ноги, или прохаживаясь по комнате. Он ходил из угла в угол с сурьей ниткой или тонкой веревочкой в руках, которую все время то наматывал на пальцы, то разматывал... Сидеть с поджатыми под себя ногами он мог часами...

Бабель никогда не имел пишущей машинки и не умел на ней печатать. Писал он первом с чернилами... Рукописи Бабеля хранились в нижнем выдвижном ящике платяного шкафа, и только дневники и записные книжки находились в металлическом, довольно тяжелом ящике с замком. Относительно своих рукописей Бабель запугал меня с самого начала, как только я поселилась в его доме. Он сказал, что я не должна читать написанное им начерно и что он сам мне прочтет, когда это будет готово. И я никогда не нарушила этот запрет. Сейчас я даже жалею об этом. Но проницательность Бабеля была такова, что мне казалось - он видит все насквозь. Он сам признавалась мне, как Горский, смеясь, сказал как-то: "Вы - настоящий соглядатай. Вас в дом впускают странно"!<...>

<...> Из Киева мы отправились поездом в Одессу... Сняли две комнаты... После завтрака Бабель обычно работал, расхаживая по комнате или по обширному участку вдоль моря. Как-то я спросила его, о чем он все время думает. "Хочу сказать обо всем этом, - и он обвел рукой вокруг, - минимальным количеством слов, да ничего не выходит, иногда же сочиняю в уме целые истории".

Человек рожден для веселы

Доброта Бабеля граничила с катастрофой... Он раздавал свои часы, галстуки, рубашки и говорил: "Если я хочу иметь какие-то вещи, то только для того, чтобы их дарить". Но он мог подарить также и мои вещи. Возвращаясь из Франции, он привез мне фотоаппарат. Через несколько месяцев один знакомый кинооператор, уезжая в командировку на Север, сожалением сказал Бабелю, что у него нет фотоаппарата. Бабель тут же отдал ему мой фотоаппарат, который никогда мне уже не вернулся!<...>

<...> К Бабелю тянулись разнообразные люди, и не потому только, что он был человеком высокой культуры, великолепным рассказчиком, но и благодаря свойствам его характера. Его обаяние, его шарм действовали неизразимо. Бабель любил жизнь, считал, что человек рождается для веселья и наслаждения жизнью,

любил смешные истории и ситуации, сам их придумывал и при этом очень веселился...<...>

Однажды за столом, где была его родная тетя, зубной врач, очень серьезная и воспитанная дама, один из гостей рассказывал, что во время революции, скрываясь от преследований, ему приходилось даже ночевать в публичных домах.

Бабель вдруг говорит: "Знаю, моя тетя содержала такой дом в Одессе". Что было с тетей?.. Бабель любил разыгрывать людей, сам играл при этом разные роли - то хромого, то скотого, то больного, то ревнивого.

Идет со мной гулять по городу и вдруг начинает хромать. Хромает очень разнообразно: то как человек, у которого одна нога короче другой, то как будто нога вывернута, то она волочится... Если играет роль больного, то начинает стоять на разные лады. Я вбегаю в его комнату обеспокоенная, а он, постоная при мне еще некоторое время, вдруг рассмеется и скажет: "Я разыгрывал перед вами "еврейские стоянки". Играя роль скупого, он не брал в трамвае билета и выныривал на ходу при появлении кондуктора. Мне приходилось выныривать за ним. <...>

Летом 1935 года в Москву впервые приехал из Парижа известный французский писатель Андре Мальро... Встречу - Мальро, Бабель я - мы смотрели физкультурный парад на Красной площади, с трибуны для иностранных гостей. Недалеко от нас стоял Герберт Уэллс. Со мной был фотоаппарат, и захотелось снять Уэллса. Продвигаясь поближе к нему и смотря в аппарат, я нечаянно наступила на ногу японскому послу и смущилась. Бабель заметил это, и, стремясь сгладить мою неловкость, с улыбкой спросил его: "Скажите, правда ли, что у вас в Японии размножаются покровителя?" Тот засмеялся, что-то шутил о ответил, и все было замято. Мне же Бабель тихо сказал: "Из-за вас у нас могли быть неприятности с японским правительством".

Ближний круг

Бабель часто бывал у А.М.Горького и тогда, когда жил в Молоденове, и когда приходилось ездить туда из Москвы. Но он каждый раз незаметно исчезал, если в доме собирались большое общество и приезжали "высокие" гости... Иногда Бабель по нескольку дней жил в доме Алексея Максимовича в Горках. Это было тогда, когда он выполнял по поручению Горького какую-нибудь работу. В такие дни общение Бабеля с ним было наиболее тесным, и разговоры касались главным образом литературы. Мне запомнилось одно признание Горького, переданное Бабелем: "Сегодня старики вдруг разговорились со мной и сказали: "Написал, старый дурак, одну по-настоящему стоящую вещь - "Рассказ о безответной любви", и никто и не заметил"!<...>

Летом 1936 года мы с Бабелем уговорились, что он уедет в Одессу, а потом - в Ялту для работы с Сергеем Михайловичем Эйзенштейном над картиной "Бежин луг", и я в свой добрый отпуск приду туда... После завтрака Бабель и Эйзенштейн работали над сценарием... Часто они спорили и даже скорбили. После одной из таких довольно бурных сцен я, когда Эйзенштейн ушел, спросила Бабеля, о чем они спорили. "Сергей Михайлович то и дело выходит за рамки действительности. Приходится водворять его на место", - сказал Бабель. Он объяснял мне, что была придумана сцена: старуха, мать кулака, сидит в избе, в руках у нее большой подсолнух, она вынимает из него семечки, а вместо них вставляет спички, серыми головками вверх; кулаки поручили эту работу старухе; подсолнух должен быть подброшен возле бочек с горчицей на МТС... "И вот старуха сидит в избе, - продолжает Бабель, - вынимает из подсолнуха семечки, втыкает вместо них головки спичек, а сама посматривает на иконы. Она понимает, что дело, которое она делает, совсем не божеское и побаивается кары свыше". Эйзенштейн, увлеченный фантазией, говорит: "Вдруг потолок избы раскрыается, разверзается небеса, и Бог Саваоф появляется в облаках. <...> Старуха падает".<...>

Работа Бабеля с Эйзенштейном над картиной "Бежин луг" началась еще зимой 1935-1936 гг. Сергей Михайлович приходил к нам с утра и уходил после обеда. Работали они в комнате Бабеля, и когда я однажды после ухода Эйзенштейна хотела войти в комнату, Бабель меня не пустил: "Одну минуточку", - сказал он, - я должен уничтожить следы творческого вдохновения Сергея Михайловича". Несколько минут спустя я увидела в комнате Бабеля горящую в печке бумагу, а на столе - газеты с оборванными краями. "Что это значит?", - спросила я. "Видите ли, когда Сергей Михайлович работает, он все время рисует фантастические и не совсем приличные рисунки. Уничтожать их жалко - так это талантлив, но непристойное и их содержание - увы! - не для ваших глаз. Вот и скажите".<...>

Бабель очень любил Соломона Михайловича Михоэлса и друзей с ним... Иногда Михоэлс приходил к нам и пел еврейские народные песни.<...> Бабель научил меня любить еврейский театр, директором и главным актером которого был Михоэлс. Он говорил: "Играют с темпераментом у нас только в двух театрах - еврейском и цыганском".

Писатели, приезжавшие в те годы в Советский Союз, всегда приходили к Бабелю. Однажды у нас обедал Андре Жид, угощали его форелью под белым соусом и русским квасом, приготовленным дома; про этого человека Бабель мне сказал: "Умен, чорт, Горький по сравнению с ним кажется сельским священником".<...>

В апреле 1936 года Бабель ездил к Алексею Максимовичу Горькому в Тессени вместе с Андре Мальро, его братом Ролланом и Михаилом Кольцовыми... В этот второй свой приезд в СССР Андре

Мальро несколько раз бывал у нас дома. Бабель любил подшутить над ним и называл его по-русски то Андрюшкой, то Андрюхой, а то подвинет к нему какое-нибудь блюдо, уговоривая: "Лолай, Андрюшка!" Тот же, не понимая по-русски, только улыбался и продолжал говорить... Его интересовало все: и отношение у нас к поэту Пастернаку, и критика музыки Шостаковича, и обсуждение на писательских собраниях вопросов о формализме и реализме. Как-то у нас дома я задала Мальро банальный вопрос: как приравнялась ему Москва? В то время в Москве открыли первую линию метро и всем иностранцам ее показывали. Мальро ответил на мой вопрос кратко: "Un peu trop de metro" (многовато метро).

Погружение во тьму

Сначала мы решили поехать на машине в Гагры - там велись съемки картины "Веселые ребята" по сценарию Эрдмана и Массы... Мы поехали в Гагры в теплый солнечный день в открытой легковой машине. Было раннее утро. Навстречу нам попалась закрытая черная машина с зарешеченным маленьким окном. Мы обратили на нее внимание, и только... А приехав в Гагры, застали расстроенной всю съемочной группой и узнали, что арестованы Эрдмана... Еще в Сочи Бабель говорил мне, что для него особенно приятны две встречи в Гаграх - с Эрдманом и Утесовым. Известие об аресте Эрдмана просто ошеломило его... В гостинице "Гагрипи" не было свободных номеров. Но маленькая комната Эрдмана под лестницей только что освободилась и ее дали мне. Бабель поселился в комнате Утесова. В комнате Эрдмана на столике возле кровати еще лежали раскрыты книга и коробка папирос. <...>

Как-то, возвращавшись от Горького, Бабель рассказал: "Случайно задержался и остался наедине с Ягодой. Чтобы прервать наступившее тягостное молчание, я спросил его: "Генрих Григорьевич, скажите, как надо сбить вести, если попадешь к вам в лапы?" Тот живо ответил: "Все отрицать, какие бы обвинения мы ни предъявляли..." Позже, когда уже при Ехове шли массовые аресты, вспоминали эти слова Ягоды. Бабель говорил: "При Ягоде, при сравнении с теперешним, наверное, было еще гуманное время".<...>

С 1936 года в Москве проходили процессы над так называемыми "врагами народа", и каждую ночь арестовывали друзей и знакомых... Двери нашего дома не закрывались в то страшное время. К Бабелю приходили жены товарищей и жены незнакомым ему арестованных, их матери и отцы. Просили его похлопотать за своих близких и плакали. Бабель одевался и, согнувшись, шел куда-то, где оставались его бывшие соратники по фронту, ущельевые на каких-то ответственных постах. Он шел к ним просить или узнавать. Возвращаясь мрачнее тучи, но пытался найти слова утешения для просящих. Страдал он ужасно.<...>

Арест

15 мая 1939 года меня разбудил стук в дверь моей комнаты. Когда я ее открыла, вошли двое в военной форме, сказав, что они должны осмотреть чердак, так как разыскивают какого-то человека... Один из них заявил, что им нужен Бабель, который может сказать, где этот человек, и что я должна поехать с ними на дачу в Переделкино... Приехала на дачу, я разбудила сторожа и вошла через кухню, они за мной. Перед дверью комнаты Бабеля я остановилась в нерешительности; жестом один из них приказал мне ступить. Я поступила и услышала голос Бабеля: "Кто?", - "Я". Тогда он оделся и открыл дверь. Оттолкнув меня от двери, двое сразу же подошли к Бабелю. "Руки вверх!" - скомандовали они, потом ощупали его карманы и прошились руками по всему телу - нет ли оружия. Бабель молчал. Нас заставили выйти в другую, мою, комнату: мы сели рядом и сидели, держка друга друга за руки. Говорить мы не могли.

Когда кончился обыск в комнате Бабеля, они сложили все рукописи в папки, заставили нас одеться и пойти к машине. Бабель сказал мне: "Не дали закончить".<...> И я поняла, что речь идет о книге "Новые рассказы". И потом тихо: "Сообщите Андрею". Он имел в виду Андрея Мальро.

В машине мы разместились так: на заднем сиденье мы с Бабелем, а рядом с ним - один из них. Другой сел вместе с шофером. "Ужаснее всего, что мати не будет получать моих писем", - проговорил Бабель и надолго замолчал. Я не могла произнести ни слова. Сопровождающего он спросил по дороге: "Что, спать приходится мало?" - даже засмеялся. Уже когда подъезжали к Москве, я сказала Бабелю: "Буду вас ждать, буду считать, что вы уехали в Одессу".<...>

Вместо эпилога

Я пытаюсь восстановить некоторые черты человека, национального великодушной добротой, страстным интересом к людям и чудесным дарам их изображения, так как мне выдались счастье прожить с ним несколько лет.

<...> Бабель был обречен как выдающаяся личность, как писатель, неспособный к сделке с правительством.<...> Пицать об этом для меня очень трудно. Горечь утраты не оставляет меня никогда, и мысль о том, что в восемь месяцев в НКВД он должен испытать массу унижений и оскорблений, пытки, а свой последний день пережить как день перед смертью после приговора, разрывает мне сердце.



"Освещение государственной национальной политики и государственно-конфессиональных отношений в средствах массовой информации" - так назывался проектировочный семинар, проведенный Министерством Республики Карелия по вопросам национальной политики и связям с религиозными объединениями совместно с Карельским педагогическим колледжем. На семинар были приглашены руководители национальных объединений и религиозных организаций, журналисты, национальные религиозные организации в сфере освещения национальных вопросов, воспитанию толерантного сознания, взаимодействию этой области с властными структурами. Разговор получился серьезным и содержательным. Вел семинар министр РК по вопросам национальной политики и связям с религиозными объединениями Андрей Манин. Как всегда с большим интересом было выслушано выступление председателя еврейской общины Дмитрия Цвибеля. Он предложил к 65-летию окончания Второй мировой войны издать книгу, в которой будет рассказано о боевом пути одного их представителей каждого народа, проживающего в Карелии. Это предложение было принято с энтузиазмом.

В Москве прошел семинар, приуроченный к 20-летию Института изучения иудаизма в СНГ под руководством раввина Адина Штейнзальца. В 14 лекциях, семинарах и дискуссиях, разделенных на два потока, принял участие почти 230 человек. Спектр обсуждавшихся тем традиционно был весьма широк: от размышлений о еврейской магии до дискуссий о еврейском театре. Как вспоминает директор Института в странах СНГ Давид Палант, когда он приехал в Россию 20 лет назад, раб Адин Штейнзальц сказал ему: "У нас условия для сотрудников не очень. Так было и будет. Но у нас никогда не скучно".



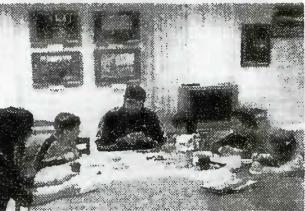
Шай Гиссер и Адин Штейнзальц
Действительно, все эти двадцать лет Институт ведет огромную работу по повышению квалификации преподавателей еврейских дисциплин, руководителей общин, и делается это за счет высочайшего уровня преподавательского состава, привлекаемого на семинары. И, конечно, участие в них самого рава Адина Штейнзальца - всемирно признанного авторитета в области иудаизма, переводчика и комментатора Талмуда. В

праздничной речи раввин Штейнзальц отметил, что если до начала XX века еврейская община России была сердцем, питавшим мировое еврейство (именно в России возникли великие шишии последних веков, еврейская литература, хасидизм и так далее), то в результате совместных стараний нацистов и коммунистов еврейская община на этой территории была уничтожена и интеллектуальная жизнь замерла. "Я мечтаю о том, что это сердце заработает вновь", - заявил рав Адин Штейнзальц.

От нашей общины в семинаре приняла активное участие Людмила Гринберг.

Наша община провела семинар "Еврейские семейные ценности", подготовленный преподавателем воскресной школы ЙОМ РИШОН Людмилой Гринберг и лидером молодежного клуба Лерой Нестерук. Как и в предыдущем, в этом семинаре приняла участие, как взрослые, так и дети. Трудно сказать, кто получил большее удовольствие - дети, взрослые или сами преподаватели.

Музыка, песни, угощение, поделки, видеоролики - все это создавало атмосферу непринужденности, радости, не заслоняющей собой серьезность самой темы. Подобные семинары призваны не только научить чему-нибудь, но и сплотить общину, дают возможность действительно почувствовать глубокую связь между людьми, объединенными общей историей, традицией, ощутить себя большой единой семьей.



Подведены итоги республиканского фотоконкурса "Мгновения жизни многонациональной Карелии" в рамках республиканского фестиваля "Национальная палитра Карелии", проводимого под эгидой Министерства по вопросам национальной политики и связям с общественностью РК, Министерством культуры и по связям с общественностью РК, Республиканским Центром национальных культур, КРОО "Содружество народов Карелии". Цель конкурса, в котором приняли участие, как любители, так и профессионалы, - через фотографии представить многообразие национальной палитры Карелии, где сейчас живут представители более 150 национальностей. В номинации "Портрет" Диплом лауреата был вручен Дмитрию Цвибелью за портрет Семена Бекенштейна - бывшего узника белостокского гетто, Освенцима, Маутхаузена, члена еврейской общины, много сделавшего для ее становления, ведущего большую просветительскую работу среди молодежи.

Еврейская община выражает
искреннюю благодарность
Алисе, Парисе, Юрию Рыбак (Канада)
за пожертвование в фонд газеты

Еврейская община с большим
почтением поздравляет
ЯКОВА НАУМОВИЧА БРАВОГО
с Днем рождения, желает здоровья и
до ста двадцати!

Наша кухня



Сельдь, рубленная с яйцом и чесноком

Сельдь 1 кг, яйцо 1 шт., свекла 200 г, лук репчатый 200 г, сметана 200 г, масло растительное 50 г, чеснок 1 головка.

Сельдь вымочить в молоке, мелко нарезать кусочками. Отварить вкрутую яйцо и свеклу. Свеклу и яблоки (очищенные, с вырезанной сердцевиной) пропустить через мясорубку, смешать с сельдью и мелко нарезанным луком. Все смешать, заправить сметаной и растительным маслом, украсить нарезанной веером головкой чеснока.

Сельдь натуральная

2 селедки средней величины, сливочное масло 1 столовая ложка, небольшая отварная свекла 1 шт., картофель отварной 3-4 шт., масло растительное 2 столовые ложки, уксус 3% 1 столовая ложка, лук зеленый 1 шт. репчатого, перец черный молотый 1/4 чайной ложки.

Сельдь вымочить в молоке, пиве или воде с небольшим количеством уксуса. Очистить, вымыть, разрезать вдоль спинки, отделить мякоть от костей, сложить вместе обе половинки и нарезать кусочками наискось. Положить на селедочницу, приложить разрезанную голову и хвост отрубленным концом.

Молоки хорошо растереть в тарелке пестиком со сливочным маслом. Протереть через сито, добавить черный перец. На каждый кусочек селедки положить немного растертой с маслом молоки. Сельдь украсить гарниром - варенным картофелем, свеклой, репчатым или зеленым луком. Полить оливковым или подсолнечным маслом и уксусом.

Селедка в майонезе

Сельдь 1,6 кг, майонез 500 г, яблоки (можно апельсины) 300 г, лук репчатый 300 г, соленья соленые 300 г, сахар, соль, перец - по вкусу.

Селедку тщательно вымыть, удалить головы, хвосты, кости, нарезать кусочками. Яблоки, соленые огурцы, лук нарезать кубиками. Перемешать с кусочками селедки, добавив немного майонеза. Соль, сахар, перец положить по вкусу. Кусочки селедки смазать майонезом. Можно подавать в качестве закуски или с вареным картофелем.

ПРИЯТНОГО АППЕТИТА!

Издатель: Петрозаводская еврейская религиозная община 185035 г. Петрозаводск, а/я 360, тел. (814-2) 78-39-38 e-mail: talit@karelia.ru

Редактор:
Дмитрий Цвибель

Компьютерный набор, верстка и офсетная печать выполнены фирмой "Принт", 185035, Петрозаводск, ул. Гоголя, 28, тел. 78-20-18, факс 78-12-26

Тираж 300 экз.

МАЗЛ ТОВ И ДО СТА ДВАДЦАТИ!